

Уравнение со многими известными
Библиографический обзор книг о школе для учеников,
педагогов и родителей

Уравнение со многими известными: библиографический обзор книг о школе для школьников, учителей и родителей / Обл. б-ка для детей и юношества, инф.- библиогр. отд.; сост. Е. В. Маркова. – Омск, 2019. – 22 с.

Составитель: Е.В. Маркова

Редактор: Л.В. Евсева.

Ответственный за выпуск: Л.В. Евсева

компьютерный набор: Е.В. Маркова

БУК «Областная библиотека для детей и юношества» Адрес библиотеки: город Омск, ул. Красный путь, 81

тел/факс: (3812) 21 10 61 oubomsk@mail.ru <http://oubomsk.ru>

К читателю.

Все мы учились или учимся в школе. Школа – неизбежный этап нашей жизни, веками опробованный и закрепленный путь встраивания человека в систему, учреждение, которое формирует члена общества, потребного этому обществу.

Во-первых, школа – это источник знаний. Получить систематические знания, минуя школу, сложно, если не невозможно. Во-вторых, школа – это место, где дети учатся своим первым взаимоотношениям со сверстниками и взрослыми, не являющимися родственниками. В-третьих, в школе дети усваивают определенные модели поведения, приобретают способность отличать хорошее от плохого, так как школа является поставщиком общепринятого, декларируемого образца (тогда как семья может представлять собой девиантную модель микрообщества и постулировать иной образец.) В-четвертых, школа учит дисциплине и правилам. Ведь дети учатся рано вставать, когда им этого не хочется, делать уроки вместо просмотра интересного фильма или «зависания» на форумах, подчиняться требованиям взрослых и многому другому; они учатся сдерживать свои эмоции, которые их так переполняют: *«Если лето – это «маленькая жизнь», то школа – это маленькая Вселенная. Пока ты учишься в ней, кажется, что твой мир ограничен этими бетонными стенами, одноклассниками и домашними заданиями. Даже домой приходишь так, погостить. Залетаешь на пару часов, обедаешь, смотришь пару серий «Игры престолов», а потом закрываешь глаза, чтобы через секунду открыть их и снова отправиться обратно в школу»* (Миклашевская О. «Цвет слоновой кошки»).

Школьное воспитание и обучение в идеале должны плавно перетекать в главную функцию школы, которая заключается в подготовке детей к непростой взрослой жизни. Выполняет ли школа эту свою главную функцию? Литература пытается найти ответ на этот важный для общества вопрос. Поэтому художественная литература для детей и подростков о школе и школьной жизни – это значительный пласт прозы, поднимающей острые проблемы (или проходной – все чаще – в которых школа – лишь декорация, на фоне которой что-то там происходит), разнообразной по жанру (встречаются в том числе и фантастические произведения, например «Я хочу в школу!» Жвалевского и Пастернак).

В настоящий обзор включены как произведения, местом действия которых является школа, так и такие, в которых школьной теме уделяется скромное внимание, но сама описываемая или упомянутая школа, учителя и ученики изображены ярко, дают повод к размышлению и разговору.

Собственно, из чего складывается образ школы? Из учителей, преподаваемых предметов и учеников и их родителей. Казалось бы, все ясно, и вопросов нет. Но реформы школьного образования происходят перманентно, общество постоянно дискутирует по поводу роли учителей, объема и количества преподаваемых предметов, прав и обязанностей школьников, включенности и влияния родителей и пр.

Учитель является главной фигурой образовательного процесса. С него, пожалуй, и следует начать. Однако в последние десятилетия (уже можно говорить о таких солидных временных отрезках), учитель – это человек, о роли и значении которого вспоминают пятого октября. В этот день в продаже появляются открытки с красивыми словами вроде вырванной из стихотворения Некрасова о Добролюбове цитаты: «Учитель, перед именем твоим позволь смиренно преклонить колени» или «Не смейте забывать учителей!» Дементьева. В обществе все еще существует образ идеального учителя: «Нужно только быть красивым, благородным, справедливым, умным, честным, сильным, добрым – только и всего!»

Увы, но учитель с начала 2000-х годов все чаще представляется человеком, «оказывающим образовательные услуги», тарифицированные и регламентированные экономическими и правовыми механизмами с соответствующим набором социально-культурных практик потребителей таких услуг – учеников и родителей. *«Даже наш пришибленный историк и тот говорит: «Моя задача – истории вас научить, а*

воспитание – это проблема родителей. Так что не позорьте их и ведите себя прилично!» А того, кто продолжал позорить родителей, он без промедления отправлял за дверь со словами: «Кривляться продолжишь в коридоре, где никто не видит» (Доцук Д. «Поход к двум водопадам»).

Да и сами учителя в связи с усложнением программ, значительно возросшим количеством разнообразных документов, которые постоянно требуются все увеличивающемуся числу бюрократических вышестоящих организаций, полностью сосредоточены на передаче знаний, и даже не знаний – информации, и у них не остается времени на выстраивание с подростками отношений, при которых возможны обмен жизненным опытом и поддержка, тем более что такие отношения требуют душевных усилий, а людям инстинктивно свойственно избегать напряжения. *«Оставшись один, я ещё раз глазами пробежал телефонограммы, вспомнил толстенную амбарную книгу, лежащую на столе у секретарши директора, и подумал: чтобы выполнить все эти распоряжения, нужно создать ещё один педагогический коллектив во главе с директором, коллектив, свободный от преподавательской работы. Представьте себе две армии: одна воюет, а другая выполняет распоряжения командиров и начальников. И все довольны»* (Поляков Ю. «Работа над ошибками») И чем больших усилий требует общение с учеником, тем чаще у учителя возникает желание уклониться от этого общения: *«Ясно же, что наши учителя не учеников любят, а рейтинги. Когда ученик перестает приносить школе хорошие показатели, его считают хромой лошадей, от которой надо поскорее избавиться»* (Доцук Д. «Голос»).

Сфера образования (и школьного, и вузовского) перестала рассматриваться как элитарная зона культуры, получила статус сферы услуг. С упорством, достойным лучшего применения, идет постоянное снижение образа учителя в литературе, кино, на телевидении – а, значит, и в обществе. Некоторые писатели, и не только авторы детской и подростковой прозы (вспомним географа, который пропил глобус), окарикатуривают образ учителя так, что воспринимать изображаемое иначе как профанацию, не получается. Например, в повести Ольги Миклашевской «Цвет слоновой кошки» учительский коллектив изображен как паноптикум – ни ОДНОГО образа, не вызывающего неприятия и даже отторжения! Самая приличная – Наина Валерьева – просто бездельница, болтушка, абсолютно утратившая все профессиональные навыки: *«Наина Валерьевна честно начинала урок с заявленной темы, но очень быстро отвлекалась на истории из собственной жизни, новости в мире, школьные события и трагедии совершенно незнакомых людей. Обсуждала с учениками все самые сложные темы: от аборт до отношений с родителями, а не только ямбы и Пушкина. Она обычно говорила тихо, но надрывно, как хорошая актриса, только играла свою роль, не чужую».* (Миклашевская О. «Цвет слоновой кошки»).

Вот несколько цитат из книг «не про то», то есть таких, по сюжету которых школа – лишь одно из мест действия, не основное, и описываемые учителя и ученики – антураж к происходящему: *«Антонина у них совсем молодая, в школу пришла осенью. От безысходности. На каждом уроке кричала, что уйдет из школы при первой же возможности. А не уходила, потому что ни одно собеседование пройти не могла. Это вторая училка английского насплетничала. Эта вторая ничем не лучше, кстати. Кроме того, что оценки ставит выше. Она сразу, еще в начале года, сказала, что будет делать ошибки специально, и кто их найдет, тому пять за четверть. Так у нее у всей группы пятерки, хоть все и поняли давно, что ошибки она делает не специально, а потому что языка не знает»* (Жвалецкий А. «Охота на василиска»).

«...бедный Федюня, метался туда-сюда, силясь унять бурю. Ничего, конечно, у него не получалось. Как все интеллигенты в третьем поколении, он напрочь забыл о своих корнях, веруя в силу пряника и абсолютно не понимая прелести кнута. Серега его искренне жалел. Он-то о мире знал раз в сто или тысячу меньше учителя, однако не сомневался, что Федюня – устаревший продукт своей эпохи – что-то вроде зуба

мудрости. Конечно, говорил историк грамотно – почти так же, как Сэм, но разницу ощущали все. Один мог разговаривать разве что с забором, второй запросто разжигал мини-революции, провоцировал дуэли и стравливал народы. Впрочем, ничего иного от школы Серега не ждал. Да и что страшного в том, если ученики малость подуют друг друга, немного порычат, походят на головах? В конце концов, звонок будет все так же трескуч, потолки не обвалятся, школа устоит и выдержит. Для чего еще ее строили, как не для ора в миллион децибел, варварских нашествий и рыцарских ристалищ?» (Раин О. «Отроки до потопа»).

«Понедельник прошел, как обычно: одноклассники бесились, хулиганили, скучали на уроках; девочки читали журналы под партами, парни играли в точки и морской бой; мой сосед Никита, как обычно, рисовал в тетради по физике всякую ерунду; те, кто не проспал первый урок, сбежали с последнего». (Чепурина М. «Алгебра любви»).

«Чем-то это напоминало переливание из пустого в порожнее. Дети перетекали из класса в класс, заполняя школу с утра, покидая на ночь. Так получалось, что школе отдавали годы и детство, взамен же получали полезный и бесполезный опыт. Кто-то потихоньку мужал и рос, другие буксовали на месте. И все это тоже именовалось школой – инкубатором по выращиванию младенцев. Младенцы покидали свою альма-матер, вооруженные жабрами, шипами, коготками, с небрежно упакованным в головах вздором...» (Жвалевский А. «Охота на василиска»).

«Маргоше стукнул семьдесят второй год, – какие, на фиг, кроссы! Она и в школе работала на полставки только потому, что литераторов не было. Их сокращали, как чужеродный элемент. По всей стране. Ну а Маргарита Ивановна пока уцелела. Хоть и бредила по-прежнему Есениным, Маяковским и прочими Тургеневыми. Серега ее тоже жалел. Ей бы в «сеть» слазить, поглядеть, что пишут нынешние блоггеры. Вот ужаснулась бы старушка! Хотя она и без того ужасалась – ежедневно и ежечасно. (Раин О. «Отроки до потопа»).

Понятие ученики – учащиеся (а все чаще навязывается термин *обучающиеся*) – также претерпевает трансформацию. Современные дети иначе воспринимают мир и мыслят по-другому, чем их сверстники еще 10-15 лет назад, они проявляют агрессию, когда их заставляют что-то делать, они требовательные, настойчивые или наоборот – равнодушные. Школа для них – на одном из последних мест в списке жизненных приоритетов. Самая распространенная причина, почему современные подростки не хотят ходить в школу, это то, что они не видят смысла в учебе и не стремятся к знаниям, так как считают, «что у них и так все есть». Именно это самая большая проблема современной школы и учителей. Да и отметки для них не самое главное. *«Если бы уроки физики были под строгим запретом, возможно, в мире появилось бы больше юных подпольных Эйнштейнов»* (Миклашевская О. «Цвет слоновой кошки»).

Третья неизменная составляющая школьной жизни – родители, однако и их отношение к школе, учебе сильно изменилось, и произошло это буквально на глазах. Если в прошлом веке родители чаще выступали единым фронтом с учителями и в конфликтах, как правило, были на стороне учителя, то теперь – все ровно наоборот, Появились даже неофициальные, но общепринятые термины, отражающие новую позицию: «яжемать» и «онжеребенок». Обе позиции – и прежняя, и нынешняя – неконструктивны, если говорить беспристрастно, но компромиссы ищутся редко и находятся с трудом. Родители требуют от школы – собственно, от конкретного учителя – положить жизнь на алтарь воспитания ИХ ребенка, учителя не без оснований напоминают родителям, что ребенок все-таки ИХ. Все чаще получается, что ребенок – НИЧЕЙ (если говорить об ответственности). Так, в повести А. Жвалевского и Е. Пастернак «Охота на василиска», где сюжет строится вокруг трагедии с ученицей, умершей от отравления ядом, добавленным в спайс, ни родители, ни учителя не видят своей вины в том, что дети принимают наркотики: мама Артема обвиняет всех вокруг – сначала в клевете: *«Мой мальчик ни в чем не виноват! Это преступление! Мой сын никогда и близко не подходил к этой гадости!»*. Потом в том, что

ее сына заставили принимать наркотики одноклассники, учителя: *«Это вы виноваты, что Темочка стал употреблять! Вы все! ... Это ваша школа виновата! – кричала мама Артема. – Это вы тут не смотрите за детьми! У вас сплошные наркоманы учатся! А вы молчите! Я вам отдала здорового умного мальчика, а его тут довели! Вы его довели!»*. Как ее мальчик может быть наркоманом! *«Он хороший мальчик. Я же слежу за ним. Он же до сих пор дорогу без меня перейти не может! Я же его в школу на машине вожу! Как он может быть наркоманом?»*. Она изо всех сил защищается от кошмарной правды: *«Ваш мальчик уже пару лет стабильно употребляет наркотики. Он наркоман. Ему сделали все возможные анализы, у него в волосах следы десятка наркотиков... – Вы думаете, мы тут в школе ничего не видим? Мы все видим и все знаем»*. Учителя всё знают и видят. Это говорит директриса. Человек, по роду своей деятельности обязанный заботиться о детях. Уже директриса обвиняет родителей в недостатках воспитания детей: *«Они же от вас, мамочек, прячутся. Вы же их пасете непрерывно. А наркотики не пахнут в отличие от водки и сигарет, и домой дети возвращаются милые и свежие. А что в школе сидят обкуренные, так вы этого не знаете»* (Жвалевский А. «Охота на Василиска»). Такой вот тянитолкай. Валим друг на друга: родители – на учителей, учителя – на родителей. Все вместе – на полицию. Или власть. А виноваты звезды, не иначе.

Выбирая и рекомендуя подросткам, учителям и библиотекарям книги для чтения и обсуждения, мы учли вышеперечисленные проблемы и включили в обзор произведения, максимально раскрывающие заявленную тему. Мы попытались проследить изменения, которые вносит в «вечные» школьные проблемы современная жизнь, и рискнули показать, что даже проверенные временем и любимые не одним поколением читателей книги сегодня могут быть восприняты – и нередко воспринимаются – иначе. Например, «Безумная Евдокия» Анатолия Алексина.

Алексин А. Г. Безумная Евдокия: повести и рассказы / А. Г. Алексин. – Москва: Детская литература, 1990. – (Библиотечная серия). – 413 с.

Девятиклассница Оля, талантливая, своенравная, с усмешкой относится ко многим коллективным мероприятиям классного руководителя, «безумной Евдокии», к её вулканическому темпераменту, ко всякого рода встречам нынешних учеников Евдокии Савельевны с её бывшими – диспетчерами и поварами: *«Их отрывает от дела. Нас отрывает»*. Родители Оли не поддерживали авторитет учительницы, а внушали дочери, что она должна быть снисходительна к «безумной Евдокии» (так, кстати, прозвала учительницу именно Оля). И девочка продолжала по каждому поводу потешаться над классной руководительницей. В своей работе «безумная Евдокия», как рассказывает Олин отец, старательно вытравила в учениках всё неповторимое, своеобразное, она стремилась к тому, чтобы каждый был «как все» – в школе, в кино и на выставке, на экскурсии и в походе. Ей важно было пробудить в каждом ученике чувство причастности к классу, к коллективу (сегодня бы это назвали «умением работать в команде»). У Оли это вызывало внутреннее противодействие. Когда завуч школы предложила организовать выставку Олиных рисунков и скульптур, «безумная Евдокия» предпочла устроить выставку произведений всех, кто умел держать в руке кисточку или карандаш, а у Оли взяла только два рисунка, «чтобы было не больше, чем у других». В спектакле по шекспировской пьесе «Двенадцатая ночь», которую школьники играли на английском языке, Евдокия Савельевна поручила Оле третьестепенную роль, хотя всем было известно, что Оля

владела английским лучше других. *«Главные роли исполняли любимые Евдокией посредственности»*, – рассказывала Оля родителям.

«Безумная Евдокия» пыталась присоединить Олю ко всем остальным за счёт и вопреки её индивидуальности. Послушные ученики вслед за своей учительницей *«не желали замечать того, что было для них непривычным. Яркое не радовало, а ослепляло их»*. Именно это Олин отец считает причиной «частых страданий и слёз» его дочери. Автор рисует Олю эгоистичной, самоуверенной (эпизоды с влюбленным мальчиком, забытой подругой, которую согласилась провести на встречу со знаменитостью), однако, если разобраться непредвзято, Оля, в принципе, типичный подросток – «единственный ребенок». Но автору важно донести – пусть и в лоб – до читателя мысль, без сомнения, верную, что дети «должны уметь плакать... не только когда разбивают коленки, но и когда коленка болит у кого-то другого», поэтому он сурово наказывает героиню и приводит к печальному финалу.

Необдуманный поступок Оли привел к настоящей трагедии: ее мама попала в больницу (в психиатрическую лечебницу, хотя логичнее было бы в терапию с инфарктом, раз у нее большое сердце, но автору виднее), отец разочаровался в дочери (вообще за гранью!) девочка потрясена происшедшим – всем плохо. Эгоистичная Оля наказана. Справедливость – в лице безумной Евдокии – восторжествовала. Однако в изменившейся реальности, в эпоху расцвета индивидуализма, повесть вызывает и иные мысли: *«Перегнула палку Евдокия, задавшаяся целью задавить на корню талант и индивидуальность Оли, ну, чем ей мешали Олин талант и желание познавать что-то новое? Перегнули палку и родители Оли, заиклившись на этих самых талантах дочери и со временем успешно внушившие девочке, что коль она так талантлива, значит, остальные люди, не такие талантливые, не стоят её внимания»*.

Сегодняшний читатель задается вопросом, в чем же так виновата главная героиня Оля, почему автор с позиции другого персонажа, Евдокии Савельевны, представляет ее нам чуть ли не чудовищем, из-за которого, видите ли, мать рассудка лишилась? Нет сомнений в том, что Ольга действительно одаренный человек, ведь ее рисунки и скульптуры хвалят настоящие профессионалы, специалисты в этой области. У Оли подлинное призвание, и именно ему взрослеющая девочка старается посвятить все свое время, все свои силы, но классной руководительницей и товарищами Оли это воспринимается негативно. Ну да, Ольга учится в обычной советской школе, где все должны быть совершенно одинаковыми и ни в коем случае не выбиваться из строя. Именно эту политику усердно проводит в жизнь классный руководитель Оли Евдокия Савельевна. Она твердо уверена в том, что делает благое дело и старается ради того, чтобы в дальнейшем ее подопечные выросли действительно достойными людьми, безупречными членами общества, в частности, стали бы хорошими поварами или старшими диспетчерами. Эти примеры она не устает приводить ученикам в качестве того, к чему же следует стремиться.

А вот Оля совсем не желает быть диспетчером, поваром или еще кем-то в том же роде, у нее есть талант и призвание - почему же она должна от него отказаться? Девушка ведь действительно готова много работать ради того, чтобы стать настоящим профессионалом в избранном ею деле, она знает, чего хочет (а большинство одноклассников наверняка еще не определилось с будущей профессией), но Евдокию это безмерно раздражает, и она все более настойчиво требует, чтобы Ольга участвовала во всех классных мероприятиях (которые девушке совершенно неинтересны), и постоянно подчеркивает, что Оля ну ничем не лучше других ее учеников. Ольга, по мнению учительницы, стремится быть первой любой ценой, что выводит Евдокию Савельевну из себя. Но желает ли сама Оля первенства в этом заурядном классе, где все равно никто не способен оценить ее художественные достижения? Для нее совсем не так уж важно, как ее воспринимают Евдокия и одноклассники, девушке, в общем-то, все равно – в школе она лишь «отбивает номер» до звонка. Оля не желает «гнуться» под Евдокию и ее

представления о жизни, ей отчаянно жаль времени, которое она могла бы посвятить лепке и рисованию, тогда как классный руководитель заставляет ее посещать встречи с бывшими выпускниками, присоединяться к экскурсиям и походам. Учительница не сдается, упрямства ей не занимать – вот решила не отступать, пока полностью не «сломает под себя» эту «непослушную девочку», которая «не как все».

Доцук, Д. С. Поход к двум водопадам: [повесть для среднего школьного возраста; 12+] / Д. С. Доцук. – Москва: Детская литература, 2017. – (Лауреаты Международного конкурса имени Сергея Михалкова). – 169 с.

Повесть Дарьи Доцук «Поход к двум водопадам» демонстрирует иной подход учительницы к талантливому ребенку. Вера Одинцова живет в небольшом городе Варламов, где родилась Вера Варламова, современница Пушкина, переводчик и писательница, гордость Вериного родного города, который в честь писательницы-землячки и переименовали. «Вера» вообще самое распространенное имя в городе. Только в восьмом классе Вер вместе с героиней три. Но лишь Вера мечтает стать писательницей, как прославленная землячка, пишет рассказы и сказки, а любимая Верина учительница Ирина Борисовна помогает их редактировать, править стиль: *«За обедом мы с Ириной Борисовной как раз обсуждали первую главу. Она показала мне свои пометки: кое-где проскакивали повторы, некоторые предложения были тяжеловаты, и смысл терялся под завалом слов. Такие вещи Ирина Борисовна видела сразу, как будто они были выделены маркером. Мы стали разбивать длинные предложения на короткие, убирать лишние слова, думать, как сказать по-другому, по-новому».*

Ирина Борисовна советует развивать воображение, фантазию, например, придумать праздник – «красный день» календаря, дает классу – не только Вере – интересные темы для сочинений, *«от которых у Людмилы Игоревны случился бы нервный срыв».* Ирина Борисовна не видит ничего ужасного в том, что ученику не нравится «Капитанская дочка» – иначе зачем написано еще столько книг? Для того, чтобы у читателя был выбор! Только уж будь добр, объясни, чем тебе не угодила «Капитанская дочка»! Раз уж это произведение входит в школьную программу... Педагогический коллектив относится к Ирине Борисовне неодобрительно: и выглядит не по-учительски, и в 39 лет подозрительно одинока: ни мужа, ни детей, и зачем-то переехала из большого города в маленький Варламов. Сплетни и истории «в духе Анны Карениной» об Ирине Борисовне сплывают коллег в противостоянии учительнице литературы. Остальные учителя не вызывают у Веры симпатий: равнодушные или озлобленные, или «пришибленные» (историк), они не проявляют интереса к ученикам: «Если я не ошибаюсь, вы сюда приходите заниматься математикой. Так что, будьте любезны, все свои личные дела оставляйте за дверью: мне они абсолютно неинтересны».

Показательна история с Аллой Христофоровной, которая, не справляясь со штатным классным хулиганом Трошей, пересадила его за парту Веры, якобы для «перевоспитания». Разглядев, что мальчишка питает к девочке определенный интерес, она таким образом переключила его внимание с себя на ученицу. А то, что девочка попросту побаивается Трошу, что ей некомфортно, что она не может полноценно работать на уроках, учительнице неважно. Важно, чтобы Троша ей лично не мешал, или мешал по минимуму. А Вера... Что Вера? Пусть попробует возразить учительнице! И уж тем более разозлить Трошу! Но! *«И вдруг что-то внутри меня разозлилось, выросло и выпрямилось. Я встала, схватила сумку и пересела к Зяблику. Мне понравился этот кто-то бесстрашный внутри меня. В следующее мгновение он заговорил моим голосом,*

спокойным и вежливым, но, наверное, впервые таким решительным: «Алла Христофоровна, я не умею перевоспитывать. Попробуйте вы». Ухмылка пропала прочь с круглого лица Христофоровны, щеки обвисли, уголки губ поехали вниз... Я почти слышала, как трещит от злости голова Христофоровны, а наказание никак не придумывалось».

Отдельная тема – Верины одноклассники, живущие по принципу «затопчи слабого, пока не затоптали тебя самого». И вот эту «жизненную установку» выработал своими нападка, издевками, кулаками, бешеной злостью Троша, а учителя ничего не делают, чтобы переломить ситуацию: «Я вам с высоты своего опыта скажу так: отнюдь не все поддаются обучению и воспитанию. Таких, как Коланов, ничем не проймешь». И даже Ирина Борисовна лишь взывает к тому, чего нет: к Трошиной совести: «Нельзя же так, Троша!» (А где социальный воспитатель, где школьный психолог?)

Впрочем, у учителей практически нет рычагов давления на учеников, зато у учеников – сколько угодно: и интернет, куда они выкладывают видео с учительницей, ими же доведенной до белого каления, и обвинения педагогов родителями в некомпетентности и прочих грехах. Отсюда – бесконечные конфликты между педагогами, школьниками и родителями, подогреваемые СМИ и находящие отражение в литературе. Отсюда – конфликты между учащимися, отнюдь не детские, «дедовщина», кастовость, нередко – прямая уголовщина.

Яркий пример – повесть **Шолохова, Е. А. Ниже бездны, выше облаков: [молодёжная романтическая повесть;16+]** / Е. А. Шолохова. – Москва: Аквилегия-М, 2015. – 318 с.

Романтики, увы в повести совсем немного. Все остальное – какая-то беспросветность. Есть некий девятый класс среднестатистической школы. «Дружные дети». Дружат они против тех, кто не соответствует критериям правильности, сформулированным и внедряемым железной рукой девочки с говорящей фамилией Запевалова: «А попробуй скажи ей хоть слово против! Себе дороже. Она ведь у нас – мега-звезда. Все ей в рот смотрят и, если честно, даже побаиваются. Как Запеваловой это удаётся – не понимаю. Внушила всем, что она одна знает, как лучше, а все подчиняются и даже не пикнут». А правила просты: обидел Запевалову – получи, дрянь! Сказала новенькая: «Тебя не спросили» – получила черную прописку. Да, как в тюрьме: легкая прописка – попинать там, пощипать –

для, так сказать, безвредных новеньких, черная – для вредных: избить всей сворой, можно ногами, можно лежачего, плюнуть в лицо. Бить строго по инструкции: обязательно каждый должен нанести удар, по лицу не бить, на телефоны не снимать – улика. Умная такая Запевалова: папа – мент. «У нас вообще к новеньким относятся предвзято, поэтому, наверное, они не приживаются. За всё время прибыло к нам человек десять, а может, и больше, и только один Эдик Лопырёв – он у нас с седьмого класса – влился».

Достается и новенькому Диме. За то, что ему вообще нет дела до одноклассников. Как это нет дела? Как это он игнорирует саму Запевалову? Но Дима – не хомяк (его выражение) – он дает сдачи. И тогда Запевалова пытается его утопить, оговаривая. Врет она легко, за нагромождением правильных и красивых фраз леса не видать. Умная и беспощадная девочка. Манипулятор и демагог. Так же она утопила учительницу литературы: та посмела сказать, что пишет Запевалова свои сочинения сухо и скучно, как будто ни одной своей оригинальной мысли у нее нет. Да еще за новенькую вступилась.

Словом, читая про этот девятый класс и его вождя – вождиху? – хочется только одного: заявленной романтики. Однако ее нет. Есть жестокая девочка и два десятка потенциальных жертв – трусов, шестерок и подлипал. Романтическая пара Дима – Таня (от лица которых ведется повествование) противостоят классу и Запеваловой, правда,

недолго. Писательница поднапряглась и таки нарисовала happy end (целый абзац!): Запевалову разоблачают и исключают из школы. Или она уходит сама. Неясно. Но ведь не в никуда уходит. Да и для самой Запеваловой ничего не кончается: ее папа – мент как лупил дочь безжалостно, так и будет лупить, может, даже еще жестче (об этом написано вскользь, со слов Тани, ставшей случайной свидетельницей чужого разговора. Читатель даже не успевает Запевалову пожалеть). С уходом Запеваловой класс превращается в нормальный: все друг с другом становятся вежливы, приветливы и добры. Целый еще один абзац!

Школьная жизнь складывается и из отношений с одноклассниками, как видно из повести. Подросток вообще существо, ну, скажем мягко – общественное (это чтобы не сказать «стадное»). Зависимость от мнения сверстников на порядок превосходит все остальные зависимости. Подросток одевается «как все» (вот Кристина, новенькая, выглядела «не так», и Запевалова объяснила девчонке ее неправоту), идет туда, куда все, делает то же, что и все. Повесть Шолоховой – о «роли личности в истории» (почему-то вспомнилось «Тараканище» Чуковского), о том, как страшно идти против всех, стать сначала героем, а потом изгоем. Недаром десять новеньких предпочли стать новенькими в каком-нибудь другом классе. В интернете отзывы о повести в основном положительные, типа: вот она, правда жизни! А может, после сериала Гай Германики «Школа» нам уже ничего не страшно? Только никто не говорит и не пишет – а куда теперь с этой правдой жизни?

В повести американского писателя Гэри Шмидта «Битвы по средам» проблемы Холлинга Вудвуда на фоне наших реалий кажутся... чуть не написала «детскими». Но одиночество, отсутствие опоры, желание вписаться и как -то встроиться в систему – те же.

Шмидт, Г. Битвы по средам: [повесть для старшего школьного возраста;+12]
/ Г. Шмидт; пер. с англ. О. Варшавер. Ч. 1. – Москва: Розовый жираф, 2013. – 380 с.: ил.

Шмидт, Г. Битвы по средам: [повесть для старшего школьного возраста;+12]
/ Г. Шмидт; [пер. с англ. В. Бабкова; ил. Д. Богдановой-Чанчиковой] Ч. 2. – Москва: Розовый жираф, 2013. – 372 с.: ил.

Холлинг Вудвуд уверен, что учительница миссис Бейкер возненавидела его с первого дня его учебы в седьмом классе, классный руководитель меняется каждый год. Потому, что он – единственный пресвитерианин в классе. По средам класс, разделившись надвое, разъезжается получать религиозное образование в синагогу Бет-Эль и в собор святого Адальберта. А он, Холлинг, остается в классе с миссис Бейкер: зачем держать мальчика в классе, если положенного «религиозного воспитания» он не получает все равно? Миссис Бейкер вынуждена придумывать Холлингу занятия: то перетрясти и перемыть тряпки, которыми вытирают доску, то протереть окна, то вычистить клетку Калибана и Сикораксы – здоровенных и недоброжелательных крыс из живого уголка, то еще какую-то муть. Скажем, перетаскать по одному полтора десятка подносов с пирожными для чаепития леди, чьи мужья воюют во Вьетнаме, с первого на четвертый этаж.

Недаром Холлинг вспоминал своего одноклассника Дуга Свитека: «*Наш Дуг Свитек однажды составил список разных способов, которыми можно довести учителя до белого каления. Списочек из четырёхсот десяти пунктов. Начинается он безобидно: «Впрыснуть дезодорант в ящик учительского стола», но дальше идут пункты похлеще. Сильно похлеще. К сто шестьдесят седьмому номеру список хулиганских выходов уже пахнет уголовщиной. О том, что кроется за номером четыреста и тем более четыреста десять, лучше вообще умолчим. Если коротко: за такие шалости детей*

*отправляют в колонию. Насовсем». Сам Холлинг не способен на реализацию даже первых пунктов из списка Дуга Свитека, но искать союзников в противостоянии миссис Бейкер он пытается. Ведь он один. Посередине. А для него это равносильно тому, что быть нигде. Даже Идеальный дом (именно так, с прописной буквы) семьи Вудвудов с идеальными азаниями, идеальным крыльцом и идеальной дверью находится посередине, «точнѐхонько в центре города». Но Холлингу, конечно же, не хочется быть нигде и не хочется быть никем. И он боится ненависти миссис Бейкер. Но в Идеальном доме он понимания не находит: отец отличается бездушием, топорностью и ограниченностью обеспеченного дельца, которого волнуют лишь финансовое благосостояние (на него должны «работать» даже дети, ни в коем случае не причиняя неудобств людям, от которых могут зависеть выгодные контракты – той же миссис Бейкер из семьи владельцев сети спортивных магазинов), социальный статус и идеальный имидж его семьи, мать вообще никакая, слабая, не имеющая своего мнения, привыкшая подчиняться мужу. Американская Домохозяйка. Вся ее самостоятельность сводится к курению тайком. *«Ну откуда, откуда у всех родителей такие представления о жизни? Слово с рождением первого ребёнка у них в организме просыпается какой-то ген и они начинают изрекать одни прописные истины. А тебя даже не слушают, вроде как ты на иностранном языке говоришь. Твои слова срабатывают только как спусковой механизм: раз – и заезженная пластинка закрутилась опять».**

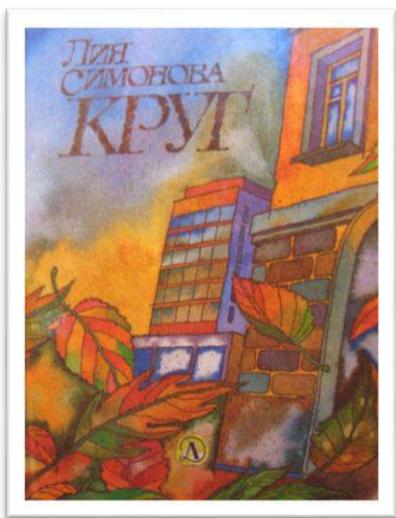
Старшая сестра... нет, тоже не друг. И очень примечателен эпизод, когда в Идеальном доме из-за протечки рухнул идеальный потолок в гостиной, прямо на рояль, на котором никто не играет: протечку просто не заметили, так как в гостиной семья никогда не собирается. Так, Идеальная выставочная комната.

После эпизода, когда на пирожные осела меловая пыль от выбиваемых Холлингом тряпок, миссис Бейкер нашла Холлингу – мистеру Вудвуду, как она его называет – другое, нехозяйственное занятие: читать пьесы Шекспира: *« Когда одноклассники отчалили – кто в синагогу, кто в собор Святого Адальберта, миссис Бейкер выдала мне проверочный тест по пьесе «Буря». Сто пятьдесят вопросов. Сто пятьдесят! Да самому Шекспиру на добрую половину этих вопросов слабо ответить!»* Тем не менее, мальчик ...втягивается в чтение пьес и даже начинает находить в этом удовольствие. Правда, он не всегда понимает их так, как хотелось бы учительнице: например, Холлинг считает, что Ромео и Джульетта «недалекого ума», комедии у Шекспира несмешные, а трагедии... «в общем, все умерли».

Однако учительница разговаривает с мальчиком, объясняет непонятное и сложное, участвует в его жизни: помогает репетировать роль духа Ариэля в пьесе «Буря» любительского театра, обучает правильно бегать, когда Холлинг попадает в сборную школы по бегу, устраивает встречу Холлинга и его друзей с кумирами – бейсболистами, даже везет его на бейсбол в Нью-Йорк, когда отец просто забил на матч открытия сезона. И на сына. Словом, как-то незаметно из врага превращается в друга. Время, которое выбрал для взросления Холлинг Вудвуд, непростое: война во Вьетнаме (где-то там, в джунглях, пропал без вести муж миссис Бейкер), убивают Бобби Кеннеди, а затем и Мартина Лютера Кинга; непопулярный президент Линдсей Джонсон снимает свою кандидатуру с предстоящих выборов; вся Америка смотрит репортажи об обороне военной базы Кхесань во Вьетнаме, а с апреля в Кемальской школе почти ежедневно проходят учения по гражданской обороне в ожидании атомной бомбежки, которую вот-вот организует советский лидер Леонид Брежнев. Так что Холлингу просто повезло встретить миссис Бейкер в ситуации, когда рядом с ним не было взрослого человека, который задал бы ему верные ориентиры. Именно в этом – одна из основных функций учителя, если кто сомневается: *«За окном весна, и миссис Бейкер смотрит на нас как на свой сад, где осенью она сеяла и сажала, а теперь дождалась бутонов и всходов. Она целый год сгребала сухие жухлые листья, подсыпала плодородной почвы, разравнивала, поливала... Поверьте, мы дали неплохие, крепкие ростки».*

«Битвы по средам», конечно, громкое название. Холлинг вообще не бьется, если говорить по делу. (Правда, в оригинале повесть называется «Война в среду». И Премию Принца Шмидту дали именно за изображение войны – той, что во Вьетнаме). Он подчиняется. Но если иметь в виду битвы с собой... «Достоин ли смиряться под ударами судьбы или надо оказать сопротивление и в смертной схватке с целым морем бед покончить с ними?». Гэри Шмидт получил за «Битвы по средам» премию «Ньюбери», а это весьма престижная американская премия, ежегодно присуждаемая с 1922 года англоязычным литературным детским произведениям организацией ALSC (Ассоциацией библиотечного обслуживания детей). События в повести Шмидта происходят в конце 60-х годов прошлого века. Когда-то, говоря о прошлом, мы все имели в виду век девятнадцатый. Теперь уже прошлый век – двадцатый. Сильно прошлый. Почти древность. Как время-то летит...

Симонова, Л. С. Круг: [повесть; для сред. и ст. возраста; 16+] / Л. С. Симонова. – Москва: Детская литература, 1990. – 175 с.

Время летит! Повесть «Круг» написана почти 35 лет назад. Как говорится, столько не живут. Но лишний раз убеждаешься, что проблемы движутся по кругу: роль учителя, мера свободы ученика, вовлеченность родителей в дела школы... И несть им исхода... Повесть, конечно, во многом устарела: комсомол кончился, перестройка канула туда же, куда и коммунизм, дефицита нет – ни на кроссовки, ни на книги, умничать не возбраняется: в школе и дома не слушают – выходи на форум, в чат и умничай там. А воз и ныне... ну, может, и не совсем там, но сильно около.

Сюжет повести прост: девятый класс. Ученики требуют убрать неудобного учителя физики Ольгу Яковлевну. Образ непривлекательный ни с какой стороны: непрофессиональна, небольшого ума, стукачка. Пыталась компенсировать свой непрофессионализм «дружбой» с

учениками – подружились до клички Алёнка и обращения на ты. Ей чуть ли не в лицо говорят «дура». Бунтуют детки с удовольствием и размахом: тут и фанатские спартаковские красно-белые шарфы, и сбегание с уроков, и «маскарад»: девочки надевают пиджаки парней, а те втискиваются в кофточки одноклассниц. А главное – говорильня: дети спорят с учителями, не сомневаясь в своей правоте, а учителя разводят руками или кричат и дают авторитетом. Несуществующим: *«Да они уже в пятом, даже в четвертом классе понимают, что наказать их вы не можете. Двойки не поставите – вам проценты успеваемости нужны для отчета. Из школы не прогоните – у нас всеобщее среднее образование. И класс расформировать нам с вами не позволят. Тем более старший класс. Ну, а кричать громче станем, думаете, они нас лучшие услышат? Всё слова, слова... Потонули мы в словах...»*

Зато детки неслабо держат удар: *«Одна Холодова чего стоит?! Откуда в этой долговязой девчонке такая наглая смелость? Такая беспощадность?.. Неформальный лидер!.. И не придерешься. Лучшая ученица не то что в классе – в школе. Редкая память. Учителя если урвут время, то прочтут Макаренко и Сухомлинского, а эта отличница знает и Блонского, и Выготского, и Шацкого. Где только достает ставшие почти библиографической редкостью книги?! И ни один мускул не дрогнет на ее лице, когда она в упор расстреливает своими немигающими глазами: «Ольга Яковлевна не знает физики! Пока не поздно, пусть займется чем-нибудь другим!»* Учителя вообще изображены – как

бы это сказать-то? – без вдохновенья. Дважды два – четыре. Директриса – амеба, разрывается между представлениями о справедливости и инстинктом самосохранения и сыплет притчами. Историк тоже разрывается – между желанием стать другом и профессиональной этикой. Преподавательница литературы Ирина Николаевна не разрывается: она *«ревниво оберегала дружеские отношения с непокорным классом, бунтующим против ее коллег. Сознание превосходства составляло ее тайную гордость, ее успех. Она старалась его упрочить. Следила за новым в литературоведении, не пропускала интересных статей в литературных журналах и газетах и на уроках почти не прибегала к услугам учебника. Ребята ценили ее знания. Ирина Николаевна первой сообщала им о появлении заслуживающих внимания книг, спектаклей, выставок. Даже в современной музыке пыталась разобраться и проявляла осведомленность. С ней было о чем поговорить. Ирина Николаевна умела рассказывать, и у нее хватало терпения выслушивать...»* Но автор вливает в эту бочку меда ложку дегтя: самостоятельность приветствуется Ириной Николаевной до определенных пределов: если за твоей самостоятельной мыслью не стоит хоть чей-нибудь авторитет, сиди и молчи. «Стих и сел на место!» Именно ее безобразная истерика ставит точку в споре о свободе слова для учеников. *«Как учите, так и учимся, – огрызнулась Клубничкина, ожесточаясь».*

Лишь два учителя выбиваются из общей картины: преподаватель французского, блестящий профессионал и одновременно то, что называют «гнилой интеллигент»: не перенося скандалов, ругани и всего некрасивого и ... несветского, он ни во что не вмешивается, и завуч Виктория Петровна, упорно выставленная автором мелодраматической злодейкой, которая безуспешно пытается остановить время. *«Школа занимала все время Виктории Петровны. В чужих детей (своих у нее не было) она вкладывала немалые силы и делала это беззаветно. Без колебаний готова была она приносить себя в жертву ради общей пользы. Но последнее время в ее жертвенности, казалось, никто не нуждался, и, не признаваясь себе в этом, Виктория Петровна потерялась. Она не требовала ни от учителей, ни от учеников сверх того, что когда-то требовали от нее. Она была уверена, что для школы времена не меняются. И пока существует мир, обязанность младших подчиняться старшим. Таков порядок. Сохранение, и упрочение порядка представлялось Виктории Петровне святым делом учителя».*

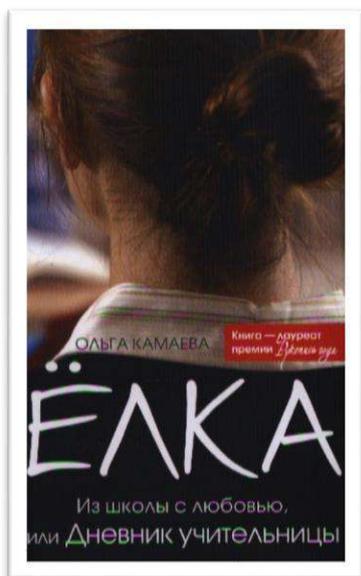
Но! Именно Виктория – единственный человек, благодаря которому школа ещё не скатилась в таргарары. Из учителей только Виктория и работает. И предлагает выход из ситуации. Кстати, в жизни такие вот виктории – не самый плохой вариант педагогов. Во-первых, они предсказуемы, во-вторых, не лезут в душу, в-третьих, поддерживают дисциплину, без которой нормальное обучение невозможно вообще. Методы Виктории автором осуждаются как тоталитарные, озлобляющие и развивающие не те инстинкты. Между тем альтернативой служит эта: *«В учителя надо пускать тех, кто умеет детей любить и терпеть от них».* Автор, правда, не указывает, сколько терпеть – год или десять. Представим взрослого, сбежавшего с работы на четыре часа... Девочка не ходит в школу, обидевшись на учителей и одноклассников? Или другая, переживающая нелепую смерть любимого мальчика и потому неспособная находиться в школе, где все напоминает о любимом? Для взрослых людей это причины? А как же пожилая тетка с больным сердцем, которая, как штык, каждый день является на работу? Учителя скучные малоинтересные люди? А наши коллеги и начальники сплошь и рядом душки и милашки!

И, кстати, о душках. В классе все далеко не радужно: борьба за лидерство, интриги, какая-то подковерная возня, любовные многоугольники... Неожиданно представлена тема новичка, который ...прогибает одноклассников под себя: *«Венька все же захватывает инициативу в классе. Столбов знает во сто крат больше, а вот слоняется повсюду за Вениамином. И комсорг Попов тоже постепенно становится прибаукинской тенью...»* И даже трагедии в финале – нет, не шекспировские: мальчик, решивший покончить с собой, выпрыгнув из окна (со второго этажа) падает на собаку-водолаза и отделяется

синяками. В отличие от собаки. Девочка, на которую натравили кобру гопоты, растроганно плачет, когда ненавидимые ею одноклассники навещают ее в больнице. И фраза: *«Как же скверно устроена жизнь, если силы и желание вмешаться возникают только тогда, когда уже надо расследовать и наказывать. И совсем редко для помощи и сочувствия?!»* повисает в пустоте.

Повесть вызывает различные эмоции у пользователей интернета, пишущих рецензии и отзывы: от резкого неприятия до восторженного преклонения, что определенно оправдывает ее включение в наш обзор. Истина рождается в спорах. И вот тут очень кстати появляется Елка. Все помнят веселую песенку «В лесу родилась елочка»? Ну, все, конечно! И как-то никто не обращает внимания на фразу: «...Срубил он нашу елочку под самый корешок»...

Камаева, О. С. Ёлка. Из школы с любовью, или Дневник учительницы: [роман;12+] / О. С. Камаева. – Москва, Санкт-Петербург: АСТ: Астрель-СПб, 2013. – 285 с.

В романе есть замечательные по правдивости и искренности строки: *«Зато я теперь знаю, почему нет книг о нынешней школе. Почему есть про бандитов, проституток, вампиров, олигархов, домохозяек, бизнес-леди, голубых, ментов, депутатов и бомжей, но нет про учителей.»*

Писать о школе напыщенно и исключительно в превосходной степени, как было положено раньше, – значит лицемерить...Пусть лучше ничего не будет. Молчание честнее.

Писать откровенно – большой соблазн в погоне за тиражом опуститься до чернухи, благо поводов достаточно. Публицистика и СМИ идут как раз таким путем, но писатели его благоразумно остерегаются. Или потому, что надеются остаться в веках, а с враньем это вряд ли получится... Наконец, есть третий вариант – пытаться писать честно, не очерняя, но и не приукрашивая...Писать честно сложно, коммерчески невыгодно, вот и нет желающих. К тому же

занятие это крайне неблагоприятное: у нас каждый сам себе педагог, а потому бит будет автор многократно, воодушевленно и нещадно...»

Как говорят на собраниях: «Согласен с предыдущим оратором». Рассуждение, безусловно, значительно объемнее, но не могу же я весь роман переписать. Тем более, надо отдать должное молодой (22-хлетней) учительнице: неглупые мысли, приходящие ей в голову, скорее правило, нежели исключение. Роман написан в форме личного дневника, который Елена Константиновна ведет 9 месяцев – весь учебный год, стараясь писать честно. Не скрывая ни своих учительских неудач, ни злых – непедagogичных – соображений: *«Каюсь, мне уже не раз приходила крамольная мысль: не всем оно нужно, полное образование. Девять классов отучился – хватит, получай профессию и иди работать. Зачем Томиной знать о формальдегидах, когда в ее голове мысли исключительно о новых джинсах и мальчиках? Спросишь что-нибудь, а у нее глаза томные, с поволокой, будто сидим в будуаре на приеме. Кажется, обе в классе, а на самом деле – в разных измерениях. И ведь если копнуть, ее измерение – естественное, физиологическое – первично! А мое – насаждаемое, хотя и из высоких побуждений, – вторично. И кто прав?»*

Елена (или Елка: в их школе у всех учителей есть прозвища, порой обидные, но... меткие. Вот и Елка – зеленая (молодая) и колючая, с характером, хотя хорошее воспитание сильно ограничивает ее возможности этот характер демонстрировать – историк. Глядя на своих коллег, она пытается понять, как преподавать историю

правильно? Как Мадам: задал ученик неудобный вопрос – получил задание написать реферат, и хоть диссертацию напиши, выше тройки не получишь: а не отвлекай учителя от поурочного плана! Как Наташа и Лида: отбарабанил текст – и свободен? Особенно если понимаешь: учебник врет, выдавая выгодную властям версию, ученики не верят ни ему, ни тебе: *« В жизни – как есть, а в книжке – как хочется. Чтобы помнили: не все дозволено»*. В классе сидит Рубин, мажорчик, депутатский сынок, который уже давно знает – и охотно делится этим знанием с остальными, что есть «быдло», и есть такие, как его папик, который всегда будет у кормила. И у кормушки. А еще есть «немка», Муму – бессловесная и жалкая, не вызывающая у Елки симпатии, а учеников даже простой приязни (где ее достоинство?! Где гордость?!), которая тянет на себе сестру-алкоголичку, убогого племянника, живет практически в нищете. И кстати, о нищете: *«Понятно, что учителя часы от нищеты хватают. Но тогда непонятна конечная цель: нужно, чтобы они с голоду не умерли или все-таки хорошо учили? Ведь неспроста же взялось понятие ставки! Кто-то умный утвердил, что восемнадцать часов – норма. Если сталевара или пекаря на полторы ставки определить, они быстренько ноги протянут. А учителя, выходит, можно и на полторы, и даже на две. Нет, сверх нормы хорошо только тараканов бить»*.

Множество вопросов, которые задает себе молодая учительница, и на которые она порой не находит ответов – а может, их и вовсе нет – делают книгу не просто интересной – актуальной, злободневной. Да что там: злой (а в аннотации написано почему-то «лиричной»). А главное: наблюдая, как Система гнет и ломает нормального человека, предлагая какую-то другую, извращенную норму в качестве образца, становится, как говорил Верещагин, «за державу обидно»: *«...не понимаю, почему умные, образованные люди при званиях и должностях допускают то, что творится в школе. Или молчат, потому что звания и должности важнее?»*

Показателен эпизод с родительским собранием, на котором родители пытались втолковать молоденькой дурехе-учительнице, что ее предмет, эта самая история, никому не нужен, и нечего изгаляться, какие-то контурные карты требовать! Тесты какие-то! Эссе! Важно, что оценки она детям не те ставит! Ведомость портит! Девушке в открытую предлагают взятку: может, ей магнитофончик купить, или еще чего? Все люди, все знают, какие у учителей зарплаты. *«Разговаривать с родителями гораздо сложнее, чем с детьми. И не потому, что они умнее или старше. Просто все родители считают себя педагогами. А почему нет? Дети есть, опыт – тем более, причем богатый и неповторимый, ребенок ведь не в колонии сидит, неплохо учится, а в третьем классе в конкурсе рисунков на противопожарную тему даже занял второе место... И вдруг перед такими вот асами рисуется «профессионал». Молодой, без опыта – грош ему цена, да и то только в День учителя!»* Плохо эти родители литературу в школе учили. Как там у Грибоедова: *«Чтобы иметь детей, кому ума недоставало?»* И вот делает молодая учительница печальный – нет, трагический! – вывод: *«Я открыла Америку. Изобрела велосипед... Я поняла, в чем сила учителя. Почему прежде это была уважаемая профессия, а сейчас она – дерьмо собачье. Раньше учитель олицетворял образованность, воспитанность и интеллигентность. Он знал то, чего большинство не знало, – законы Ома и Ньютона, что такое климатические пояса и фразеологические обороты, гипотенузы и косинусы. Вот вам и ответ на вопрос: почему в школу приходят многие, да мало кто остается. Потому что хотят сеять – разумное, доброе, вечное. А их ставят в роль обслуги – научи, подотри, промолчи...»*

Елка, правда, решила: *«Ни за что не уйду из школы! Не сдамся! Не дам себя сломать!»* Но... и это очень большое «но»: роман заканчивается печально. Похороны Елки – у нее, оказывается, было больное сердце – описаны автором очень буднично: народу немного, из школы не по разнарядке пришли лишь коллеги – «исторички», на кладбище почти никто не поехал: у детей экзамены, у коллег – работа... правда, автор дает читателю

надежду: через много лет (у автора, мы знаем, всегда есть при себе компактная машина времени) ученики Елены Константиновны будут помнить свою Елку, зеленую и колючую.

Поляков, Ю. М. Работа над ошибками: [повесть;12+] / Ю. М. Поляков. – Москва: Современник, 1989. – 174 с. – (Библиотека В начале жизни).

Еще одна книга, рисующая педколлектив изнутри, а учеников – снаружи. Для нашего времени исключение, для времени написания книги – 1986 – почти правило (все помнят историка Мельникова: «А учитель, который перестал быть учителем, тебя устраивает?!») Реплика: прокричать. Громко. С душой. Как Тихонов). Герой Полякова, хоть и получил педагогическое образование, в школе не работал – ушел в журналистику. Но из газеты уволился из-за дуболома-редактора, а места в журнале надо еще подождать. Так что откликается герой на зов институтского товарища пойти временно преподавать литературу. В школу, ага. Идет. И как Зоркий Сокол, ну, или Штирлиц фон наблюдает и описывает – журналист же! – коллег: «поседельный» Борис Евсеевич Котик, учитель математики, суровый, как капитан, даже дверь в класс закрывает так, словно задраивает люк подлодки;

Полина Викторовна Маневич, тонкая светская женщина, абсолютно не совпадающая с детьми по фазе: на уроках она и ученики говорят каждый о своем, оттого в классе во время урока слышен ровный гул; Алла Константиновна Умецкая, говорящий учебник; Максим Эдуардович Лебедев, тонкая, нежная натура, когда-то мечтавший двигать педагогическую науку, начав с самых низов – работы в поле...Тьфу, в школе! (В тылу имелся Лебедев-папа, но не срослось: папа в какой-то момент стал дачным ворчуном, а сын из молодого ученого-экспериментатора стал просто учителем. Но...никаким. Мало знать самому, пусть даже столько, как Максик, надо же и научить других).

Собственно, из-за Максима Эдуардовича и случилась эта школьная история: на его и без того тернистом пути попался ученик Кирибеев, девятиклассник. Девушка Челышева слегка влюблена в учителя Лебедева, Кирибеев ревнует и ненавидит учителя, и когда Максим Эдуардович, пытаясь отобрать записку, адресованную Челышевой, слегка (именно слегка – он просто не умеет иначе) выкручивает руку Кирибеева, тот...бьет учителя по лицу. По носу. И разбивает нос. В отличие от Максима Эдуардовича, Кирибеев знает как и умеет бить. Скандал! Понятно что, его надо если и не замять, то как-то ... нивелировать, что ли. Максим Эдуардович из школы, естественно, уйдет: в позапрошлом веке за ТАКОЕ либо вызывали на дуэль, либо стрелялись. А дальше что? А дальше детки, подогреваемые неким активным родителем по фамилии Расходенков («при этом имени учителя морщились, как от сверлящего звука бормашины»), пишут письмо в высокие инстанции, требуя наказать учителя, избившего ученика, и тех, кто его покрывает. И это притом, что в классе очень многие не любят, да что там – ненавидят Кирибеева. Такая вот диспозиция. Письмо детки отдают главному герою. Точнее, не ему, а некоему погибшему на войне писателю, чей гениальный роман главный герой и некоторые его ученики разыскивают (Группа «Поиск»). В смысле, отдают из уважения к памяти погибшего, который свой роман, оказывается, сжег, потому что его назвали идеологически вредным. Чтобы не выглядеть такими же «борцами за идею». Скандала не случилось. Школа выстояла. Но это была обычная средняя школа. А вот если в придачу к скандалу была бы необычная...

Жвалевский А. В. Я хочу в школу! [повесть;12+] / А. В. Жвалевский. – Москва: Время, 2015. – (Время – детство!). – 317с.: ил.

В некоей параллельной вселенной в старинной дворянской усадьбе с огромным садом, с множеством пристроек: спортзалом, бассейном, тиром, жила-была школа №34, где работали высокопрофессиональные педагоги – экспериментаторы («Впалыч, который так и остался сидеть в любимой позе вразвалочку, невозмутимо ответил: Три диплома, все с отличием. Восемнадцать статей в американских журналах, семь – во французских и... простите, не помню сколько в российских»), где детей возили на Эльбрус и в Париж, где были лаборатории под стать университетским, интерактивные доски и прочие преференции. И в этой школе учились удивительные ученики: гении. Практически через одного. Однако даже в самых обустроенных вселенных случаются катаклизмы. Известие, что школу закрывают, надолго выбило из колеи всех ее учеников. Учителя уверяют: на время. «Вы же

знаете, как мне дорога наша школа. Я постараюсь сделать все, что от меня зависит, чтобы ее сохранить. Но в данный момент обстоятельства складываются так, что... – Что с нами будет? – не выдержала Кошка. – Ничего страшного, – улыбнулся директор, – вы просто немного поучитесь в обычной школе. Точнее, в нескольких школах: 45-й, 33-й, 7-й...» Расстроенные дети, однако, воспринимают происходящее как некий очередной, привычный для них проект. Эксперимент. Птицы, сработавшая, подобранная по подходящему психотипу разновозрастная группа, обучающаяся вместе (как и все остальные школьники, также входящие в подобные группы), не слишком переживает: «Подумаешь, чуток в обычной школе поучиться, – успокаивал себя и окружающих Дима. – Остальные там одиннадцать лет учатся – и ничего. Живы. – Да! – подхватил оптимистичный тон разговора Женя... – Это может быть интересно. Зато мы точно будем знать, каково им там. А потом вернемся к себе... – Да, а потом вернемся и будем ценить, как нам тут здорово!» (заметьте: дети, не сомневаясь, говорят: мы и остальные). Читатель уже пережил шок от предполагаемого убийства Анечки, от проекта, доказывающего, что человек произошел от птиц – теперь он начинает подозревать, что его нервную систему ждет еще одно испытание: испытание обычной школой. И да – ждет.

Гении действительно отправились в нашу вселенную, в обычные школы. Наши герои, Птицы, и примкнувший к ним Молчун попали в школу № 33. Разница в номере всего на единицу, но какая разница! Некомпетентность педагогов, считающих, что форма важнее содержания, политика запугивания, из-за которой дети становятся послушными, как дрессированные собачки, абсолютная аморфность ребят, не интересующихся ничем, кроме компьютерных игр, тайной выпивки и курения за гаражами, сплетни и угрозы, коллективная ненависть, подставы и предательство. Птицам надо выживать. Это их новый Проект: мимикрия, социализация и пр. Димка мимикрирует, Кошка манипулирует, Женя... влюбился и на некоторое время выпал из проекта, Анечка выбирает эскапизм, Молчун ищет финансовый след в решении закрыть школу. Однако главной проблемы Проект не решает: как привлечь внимание к их удивительной тридцать четвертой школе, спасти **свою** школу. И Птицы организуют флэшмоб. И квест. И мюзикл. И даже решаются на подлог: подделку исторического документа.

Но, оказывается, есть и более сложный, но надежный путь: сделать 33-ю школу немножко 34-ой: избавиться от Злыдни, которая шантажом (уволиться в середине года: две ставки и классное руководство, добивается от директора нужных ей решений («Елена Ивановна с утра собралась на работу и села ждать звонка. Обычно ей звонили уже часов

в девять и приглашали к директору. Понятно, что он не будет разбрасываться бесценными педагогическими кадрами и заявление не подпишет. У него нет другого выхода.... Кочеткова ждала извинений, просьб, на худой конец выяснения отношений. В конце-концов, все это происходило не в первый раз») и уговорить преподавать математику любимого учителя из 34-ой Впалыча, разоблачить ведьму Анастасию Львовну, добивающуюся послушания третьеклашек запугиванием и ложью («Она меня знает чем сначала пугала? Что меня назад в мою школу не возьмут... – Аня! – повысила голос Анастасия Львовна. – А Полину она напугала,.. что из-за нее мама умрет. А твоя мама, Полина, никогда не умрет, ясно! Она даже не болеет. Просто худенькая. Как и ты... – Сивцова, замолчи! – учительница уже кричала. – Она все врет! – продолжала Аня спокойно и даже весело. – И про тебя, Ванечка, и про то, что Анжелу ремнем бить будут...»), показать, что можно учиться по-другому, жить веселей и радостней.

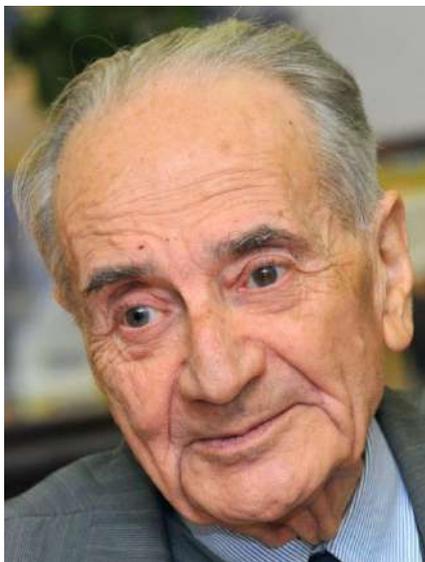
Повесть – фантастическая: «Тогда я решил создать школу будущего. Нашел классных педагогов... Не сам, конечно, помощники мои нашли. Учителя собрались, начали мне чего-то рассказывать. Я ничего не понял, – Петр Сергеевич честно рассмеялся. – Но сказал: «Вот вам деньги, делайте, что считаете нужным». И они сделали!» Но... в параллельной вселенной. Где можно не считать деньги спонсора, где позволено отступить от программы (и вообще ею пренебрегать), где бюрократы бессильны. Словом, Внигде и Вникогда. Впалыч это понял: «Знаешь, очень просто быть идеальным в отсутствие соблазнов. Очень легко вести уроки, когда тебя окружают идеально замотивированные дети. И только теперь я понимаю, что искусство в педагогике начинается как раз тогда, когда тебя не хотят слушать».

И, кстати, а где остальные учителя? Где, в конце концов, родители? В спасении школы не участвовал ни один из родителей учеников 34-ой. Любимой школы их детей. Впрочем, эти претензии были бы обоснованы, говори мы о реальной школе. Однако Жвалевский утверждает, что написанное им и его соавтором Евгенией Пастернак частенько сбывается. Проснемся однажды первого сентября – а вокруг одни 34-е школы! А что? Сказал же кто-то из великих: «Космос не так уж далеко, каких-то 200 километров. Добраться пара пустыков. Просто нужна машина, способная ехать вертикально вверх».

Вот мечтою о чуде и завершается обзор книг о школе. Все мы заинтересованы в том, чтобы школа отвечала требованиям времени, запросам общества, чтобы учителя с удовольствием учили, а дети учились. Все члены уравнения нам известны. Однако само уравнение пока не решено. Книги, включенные в обзор, большей частью говорят, как не надо его решать. А надо – как надо.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Анатолий Алексин

Анатолий Георгиевич Алексин (настоящая фамилия Гоберман) родился в Москве 3 августа 1924 года. В годы Великой Отечественной войны работал заведующим заводской малотиражной газетой. По окончании войны Анатолий – студент Московского института востоковедения. На этот момент уже вышли из печати его первые работы. Анатолий Алексин – один из самых популярных детских писателей Советского Союза, лауреат нескольких Государственных премий РСФСР и СССР, Ленинского комсомола, Международной премии социалистических стран имени А. М. Горького, обладатель Международного диплома имени Андерсена,

бывший член-корреспондент Академии педагогических наук, секретарь Правления Союза писателей РСФСР, президент ассоциации «Мир – детям мира!». Сейчас Анатолий Георгиевич Алексин живет в Израиле и продолжает творческую работу.

Дарья Доцук

Дарья Доцук – детский писатель, блогер, журналист. Родилась 8 марта 1990 года в Алма-Ате. С отличием окончила факультет Международной журналистики МГИМО. Живет в Москве. Пишет в основном для подростков. Финалист конкурса «Книгуру», дипломант премии им. В. П. Крапивина, лауреат конкурса им. С. В. Михалкова. Ведет блог о современной детской литературе в лицах и событиях.

Андрей Жвалевский

Современный писатель и сценарист. Родился в городе Гродно Белорусской ССР в 1967 году. Учился сначала в школе, потом на физфаке Белгосуниверситета, закончил его в 1991 году с красным дипломом, но тут, как пишут начинающие литераторы, «вдруг случилась внезапная неожиданность» – кончился Советский Союз. Заниматься физикой лазеров стало бессмысленно, хотя еще полтора года провел в фундаментальной науке. Но в 1993 году здравый смысл и чувство голода взяли верх. Пошел заниматься дизайном ценных и защищенных бумаг. Прозанимался до осени 2000 года, затем ушел в журналистику, около года был заместителем редактора журнала «Полиграфический экспресс». С 2001 года работал в книжном издательстве, которое занимается деловой литературой. Руководил в нем направлением компьютерной литературы. В 2002 году вышла первая компьютерная книжка, среди соавторов которой значилась фамилия «Жвалевский». Как прозаик, начался с пародии «Порри Гаттер и Каменный философ», которая неожиданно для всех стала бестселлером. В феврале 2005 окончательно ушел в писатели. Большинство книг Жвалевский написал в соавторстве с Евгенией Пастернак. Лауреат разнообразных премий («Аэлита», «Заветная мечта», им. Крапивина, «Ясная Поляна»), победитель и дипломант многочисленных конкурсов («Книгуру», «Алые паруса» и пр.)

Ольга Камаева

Проживает в Республике Татарстан, городе Елабуге. Родилась 16 сентября 1968 года в селе Пачелма Пензенской области. Образование высшее педагогическое. 12 лет работала в школе учителем истории, 8 лет в городской газете (журналистом и главным редактором). В январе 2013 г. в издательстве «Астрель-Спб» вышла ее первая книга «Ёлка. Из школы с любовью, или Дневник учительницы» (как занявшая призовое место в конкурсе «Рукопись года»).

Юрий Поляков

Родился 12 ноября 1954 года в Москве. Окончил Московский областной педагогический институт. Недолго работал в школе, после службы в армии ушел в журналистику. Широкую популярность получил после публикации книг «Сто дней до приказа» и «ЧП районного масштаба». В 1981 году был принят в Союз писателей СССР, в этом же году защитил кандидатскую диссертацию. С 2001 по 2017 год был главным редактором «Литературной газеты». Имеет премию Н. В. Гоголя и Бунинскую премию.

Олег Раин

Олег Раин – псевдоним писателя Андрея Щупова. Под этим псевдонимом он публикует

произведения для детей. А. Щупов родился и живёт в Екатеринбурге. В 1981 закончил специализированную английскую школу № 99. Поступил в УЭМИИТ (сейчас – Уральский государственный университет путей сообщения) на электротехнический факультет. Будучи студентом вуза, принимал участие – и побеждал – в математических, английских и иных олимпиадах. Параллельно ездил на моря с экспедициями, изучал флору и фауну Черного, Японского, Балтийского и других морей. В 1986, закончив институт, работал инженером. С 1990 года А. Щупов печатался в газетах и журналах, работал в охране, грузчиком, занимался

строительством, рецензировал рассказы в редакции журнала «Уральский следопыт», настраивал музыкальные инструменты, изучал спортивный массаж, был директором фотостудии, журнальным редактором. В период с 1994 по 2010 годы опубликовал около трех десятков книг. Работал в оргкомитете фестиваля фантастики «Аэлита». Организовывал фотовыставки, писал радиосценарии. Основные увлечения: литература, подводное плавание, парашютные прыжки, дельтапланы. В 2002 году принят в Союз российских писателей, в 2003 году избран в правление екатеринбургского отделения Союза. Более 200 статей, рецензий, повестей, рассказов Олега Раина опубликовано в российских журналах. Работает в разных жанрах, пишет фантастику, детективы, пьесы.

Гарри Шмидт

Гарри (Гэри) Шмидт родился в 1957 году в городе Хиксвилл штата Нью-Йорк. Учился в колледже Гордона, получив степень бакалавра по английскому языку в 1979 году. После этого он посещал Университет штата Иллинойс в Урбана-Шампейн, получив степень магистра по английскому языку в 1981 году. Закончил учебу с докторской степенью в 1985 году и с тех пор преподает английский язык в Кэлвин Колледж штата Мичиган. Отец шестерых детей. Живет с семьей на ферме. Лауреат премии Newbery Honor в 2008 году за книгу «Битвы по средам» и Премии Принца. (Премия Michael L. Printz Award – это ежегодная литературная премия американской библиотечной Ассоциации (ALA) за лучшие произведения для подростков, которая спонсируется журналом Booklist. Премия названа в честь Майкла Л. Принца – школьного библиотекаря из города Топика штата Канзас, давнего активного члена ALA, который посвятил свою жизнь

тому, чтобы ученики его школы имели доступ к хорошей литературе).

Елена Шолохова

Родилась 2 сентября 1977 года в городе Иркутске. Закончила иркутский институт иностранных языков имени Хо-Ши-Мина, факультет английского языка. Работала в компаниях «Ростелеком» и НОУ ДПО «Академия АйТи». В 2013 году решила сменить сферу деятельности и начала сотрудничать с издательством «АСТ» в качестве переводчика художественной литературы. В том же году приняла участие в конкурсе «Дневник поколения» с рассказом «Взвейтесь кострами». Рассказ стал лауреатом конкурса и был опубликован в сборнике «Дневник поколения». В 2014 году написала книги «Ниже бездны, выше облаков», «Звезда», «Плохой, жестокий, самый лучший», которые были включены в ежегодный рекомендательный каталог «100 лучших новых книг для детей и подростков» за 2016 год.

Виктор Штанько

Виктор Никонович Штанько родился в 1936 году. По профессии – врач-рентгенолог, а также член Союза писателей Москвы. Он автор многочисленных радиопьес: «Главное в жизни», «Любимое вишневое варенье» и др., отмеченных всесоюзными и международными премиями. Произведения Штанько стали лауреатами трех проведенных конкурсов имени Сергея Михалкова: повесть «Трудно быть другом» вошла в шорт-лист Первого конкурса, повесть «Никто никогда не узнает» была отмечена жюри Второго конкурса, а повесть «Маленький человек в большом доме» – Третьего. В своей прозе автор не боится обсуждать острые вопросы современной жизни – в этом ценность его произведений.